

Многочисленные язвительные намёки Му Ци наконец-то вызвали у императора крайнее недовольство. Потерпев некоторое время, он перешёл в открытую контратаку, заявив, что на роль прекрасного юноши для услужения принцессе лучше всего подходит не кто иной, как сам Му Ци.

— Ты и сам выглядишь весьма недурно!

К удивлению правителя, Му Ци не стал вступать в яростную перепалку, а вместо этого невозмутимо кивнул:

— Ради общей цели я, в принципе, готов пойти на жертвы...

«???»

— Но, как всем известно, я человек косноязычный, говорить красиво не умею, — с каменным лицом продолжил Му Ци. — Поэтому давайте договоримся на берегу: если в резиденции принцессы я допущу неосторожность в речах, это может, так сказать, бросить определённый... э-э... вызов здоровью сердечно-сосудистой системы Её Высочества Великой старшей принцессы Гуаньтао. Конечно, принцессе уже за пятьдесят, самый возраст, чтобы повидать мир, так что, возможно, небольшой вызов для её сердца и сосудов не повредит...

Император... Лю Чэ выпучил глаза и не смог вымолвить ни слова.

Так или иначе, предложения Его Величества и хоу Гуаньцзюня были одно за другим отвергнуты под градом безжалостных насмешек Му Ци. В конце концов, лишь великий генерал Вэй, проявив всё своё искусство дипломатии, сумел погасить обмен колкостями и, поломав голову, предложил реальную альтернативу.

Он посоветовал использовать в качестве прикрытия караван, перевозящий ткани. Сначала следовало тайно проникнуть в Чанъань, осмотреться и уже потом строить дальнейшие планы. Выбор товара для торговли, как подчеркнул Хоу Чанпин, тоже имел огромное значение. Полотно не должно было быть слишком изысканным — высокая прибыль привлекла бы внимание местных воротил. Но и слишком простым оно быть не могло: такую ткань покупали в основном бедняки для пошива одежды, а столичные низы представляли собой замкнутое общество, где чужака, пытающегося отбить у них кусок хлеба, заметили бы мгновенно.

— Можно торговать вот такой тканью, — Вэй Цин указал на мешок из тонкого холста, который был бесплатным приложением к одной из интернет-покупок императора. — Это материал среднего качества, его в основном покупают богатые дома для одежды слуг. Такие сделки — крупные и обезличенные, на них никто не обращает внимания. Идеально для маскировки.

В этих словах чувствовался практический опыт, выкованный в самых низах общества, а не оторванные от жизни фантазии аристократа. Чанъань трёх гунов и девяти цинов и Чанъань рабов и простолюдинов были двумя разными городами, и великий генерал никогда об этом не забывал.

Лю Чэ, лишённый подобного опыта, не мог ничего возразить Хоу Чанпину. Поразмыслив, он повернулся к Му Ци:

— Какова цена холста?

— Около пятнадцати юаней, но в оптовой торговле, вероятно, ещё дешевле.

— Пятнадцать за чи ткани?

Император молча прикинул в уме, сопоставив цену со своими расходами, и решил, что это приемлемо. Достаточно было немного урезать бюджет. Но Му Ци покачал головой.

— Пятнадцать за цзинь, — сказал он. — При достаточном объёме будет скидка.

Император умолк.

Одиннадцатого числа того же месяца первая партия товара — восемьсот цзиней, заказанная Му Ци на ближайшей текстильной фабрике, — прибыла и доверху заполнила подвал. Двенадцатого и тринадцатого доставили изготовленные на заказ одежду и украшения. Под руководством императора его спутник начал разучивать ханьский этикет и запоминать бесчисленные и сложные правила поведения в столице. После двадцатого числа они занялись созданием новых причёсок и грима для троицы, чтобы скрыть их слишком уж выдающуюся внешность. После отказа Бюро пространственно-временного администрирования вмешиваться, Система могла предоставить лишь самую базовую защиту личности. Если бы их узнали, в Чанъане мог разразиться скандал в духе «двух императоров», что спровоцировало бы бедствие, вызванное колдовством «гу», на несколько десятилетий раньше срока.

Тридцатого числа, когда все приготовления были завершены, они толкнули деревянную дверь, оклеенную красной бумагой.

Четвёртый год эры Юаньшо династии Хань, лето.

Хотя война между Хань и сюнну длилась уже несколько десятилетий, благодаря накоплениям, сделанным за поколения до правления императоров Сяо-вэнь и Сяо-цзин, жизнь в Поднебесной оставалась относительно спокойной. Особенно мирной была атмосфера в столице, сердце империи. С начала весны при дворе всё громче звучали голоса сторонников войны, и даже

ходили слухи, что великий генерал Хоу Чанпин Вэй Цин, лично разместил войска в Силю, готовясь к масштабному походу. Но, за исключением злобных юнцов, жаждущих военных подвигов, жителей Чанъаня мало заботили эти великие и далёкие новости. Их волновали погода, еда и одежда, а также постоянно меняющиеся цены.

Несмотря на то, что запасы ещё были велики, многочисленные военные кампании, начиная с эры Юаньгуан, исподволь сказывались на положении дел. Старики, повидавшие жизнь, замечали, что мясо, соль, масло, чай, ткань — всё, к чему они привыкли, — за последние годы потихоньку дорожало, а качество и размеры порций были далеки от тех, что были во времена императоров Сяо-вэнь и Сяо-цзин. Жителям Чанъаня приходилось тратить больше времени, блуждая по рыночным улочкам, тщательно выбирая и прицениваясь, чтобы свести концы с концами и обеспечить свои семьи всем необходимым.

В такой обстановке опытные старожилы охотно делились в своём кругу информацией о торговцах, предлагавших качественный товар по сходной цене, и приводили к ним проверенных людей, чтобы вместе выторговать небольшую скидку.

В последние дни среди жителей северной части города, в районе ворот Чучэн, из уст в уста передавали новость: на Восточном рынке открылась новая лавка, торгующая тканями. Хотя продавали там в основном холст и прочие ходовые материалы, продукция была отменного качества, тонкой выделки и не линяла — сразу было видно работу искусных мастеров. Но что было особенно ценно, так это щедрость и порядочность хозяев. Подобные заведения, с их размахом, обычно вели дела только с богатыми и знатными домами, торгуя сотнями и тысячами рулонов. Эта же лавка была открыта и для простых людей, позволяя покупать материал по одному-два рулона, причём по той же цене. Если посчитать, выходило более чем на десять процентов дешевле, чем у других, а это была уже весьма ощутимая разница.

Качественный товар, низкие цены и великодушие — такого торговца нельзя было не уважать. Местные старейшины, прослышав о новой лавке, непременно заглядывали туда. Но самое сильное впечатление на них производили не товары и цены, а сами хозяева. Нередко какой-нибудь почтенный старец, расплатившись, задерживался у прилавка и тихонько замечал:

— Хозяин, должно быть, из знатного рода?

Услышав эти слова, мужчины за прилавком обычно замирали и смотрели на старика со странным выражением. После недолгой паузы молчание нарушал один из владельцев по фамилии Му:

— Почему вы так решили, почтенный?

«Ещё бы не решить», — думал старик.

Он искоса поглядывал на них и видел, что, хотя лавка открыта уже несколько месяцев, эти люди в основном молча сидят за прилавком, не зазывают покупателей и редко привлекают к себе внимание. Даже когда торгуются, делают это крайне неумело.

Как можно торговать и не уметь набивать цену? Если бы не отменное качество и дешевизна их продукции, они бы давно уже прогорели и пошли по миру. Такая беспечность в делах свойственна лишь тем, кто вырос в знатности и богатстве.

Конечно, старик и не думал учить их искусству торга (зачем вредить самому себе?), но, тронутый добротой и щедростью владельцев, решил поделиться более важным и ценным советом:

— Вы здесь недавно и, возможно, ещё не знаете местных обычаев, — старик обвёл лавку взглядом, многозначительно указав на неё посохом. — Торгуя на чанъаньском рынке, лучше не выставлять напоказ столько ткани. Это слишком привлекает внимание.

Сидевший в центре мужчина с величавой осанкой нахмурился:

— Почему? Мы в столице, под защитой Сына Неба. Неужели здесь грабят средь бела дня?

— Грабят, конечно, нет, — небрежно бросил старик. — Но могут возникнуть другие неприятности. Торговать под боком у самого Сына Неба — дело нелёгкое.

Он поклонился и, постукивая посохом, удалился.

Слова старика на мгновение встревожили их, но эта тревога быстро рассеялась. Конечно, такие намёки всегда немного пугают, но со временем они поняли, что за ними мало что стоит.

Да, новоприбывшая четвёрка по-прежнему не разбиралась в нравах чанъаньского рынка и не проявляла никаких талантов в торговле. Но благодаря большому количеству, высокому качеству и низкой цене их полотна, лавка никогда не пустовала. Каждый день выстраивались длинные очереди, и дела шли бойко безо всяких ухищрений.

Более того, после двух недель усердной работы император, принимавший во всё непосредственное участие, вошёл во вкус. Он не рассчитывал разбогатеть на продаже ткани, но любой делец хочет получать прибыль, а не нести убытки. Система, тщательно продуманная Хоу Чанпином и Му Ци, позволяла использовать все имеющиеся преимущества: они закупали по низкой цене залежавшуюся ткань на современных текстильных фабриках, а затем сбывали её в Чанъане с прибылью как минимум в два-три раза. Накопив определённую сумму, они обменивали её на золото у богатых купцов из Западного края и, вернувшись в своё время, снова оказывались в огромном выигрыше — цены на золото в современном мире росли, и торговцы были этому несказанно рады.

Прибыль с ткани, прибыль с золота — благодаря разнице в уровне производства и доступе к информации такая торговля была беспроектной и абсолютно безрисковой. В некотором смысле, это была идеальная экономическая игра, созданная специально для Его Величества: никаких затрат, никаких излишков на складе, никакого рыночного риска. Оставалось лишь наблюдать, как ежедневно растут продажи и прибыль, и наслаждаться бесконечным ростом

торгового оборота. Кому бы такое не понравилось?

Такие весёлые, похожие на игру дни продолжались около месяца. Император ежедневно следил за ростом цифр в счётных книгах и, пребывая в прекрасном настроении, даже начал тешить себя некоторыми иллюзиями. Ему стало казаться, что в годы своего правления — Юаньшо, Юаньшоу, Юаньдин — он, в общем-то, справлялся неплохо. Несмотря на постоянные войны и периодические стихийные бедствия, в Гуаньчжуне царило относительное процветание. Холст — самый массовый и универсальный товар, и раз он так хорошо продаётся, значит, и мелкие торговцы, и простолюдины живут вполне сносно. Пусть не так хорошо, как при императорах Сяо-вэнь и Сяо-цзин, но ненамного хуже.

А раз так, то и его политика внешней экспансии и внутренних реформ не была такой уж ошибочной! Если бы только можно было стереть из истории случайную ошибку — бедствие, вызванное колдовством «гу» в последние годы его правления, — то вся его жизнь была бы образцом совершенства, далеко превосходящим деяния древних мудрецов.

В общем, окунувшись в жизнь простого народа, император почувствовал, что правда на его стороне, и к нему начала возвращаться былая уверенность!

Видя растущую самоуверенность Его Величества, Хоу Чанпин и Хоу Гуаньцзюнь не могли не поддакивать, поощряя его гордыню. Лишь Му Ци оставался безучастным наблюдателем, время от времени одаривая их холодной усмешкой. Конечно, он и не пытался развеять иллюзии правителя — слова не могли поколебать уверенность Сына Неба. Ему оставалось лишь немного подождать, когда сама реальность нанесёт сокрушительный удар по всем этим фантазиям.

Впрочем, реальность бывает жестокой, и кто знает, выдержит ли такой удар нынешнее самодовольное настроение Его Величества.

<http://bllate.org/book/16002/1499147>